

Татьяна УСТИНОВА
Павел АСТАХОВ

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

БЕЗ СУДА И СОВЕСТИ

Дела судебные: Т. Устинова, П. Астахов

Татьяна УСТИНОВА
Без суда и совести

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Без суда и совести / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2026 — (Дела
судебные: Т. Устинова, П. Астахов)

ISBN 978-5-04-250130-2

Искусственный интеллект все больше входит в повседневную жизнь. Не миновала сия чаша и Таганский Федеральный суд. Плевакин и Тимофей Барышев, помощник судьи Елены Кузнецовой, внедряют на экспериментальной основе программу «Фемида». Это не только поможет в работе, но и создаст новые проблемы... Константин Таганцев, получив повышение, приступает к работе в отделе киберпреступлений. Его первое крупное дело — расследование вмешательства в систему «Фемида». Елена обнаруживает странные изменения в рекомендациях ИИ, что вызывает подозрения. Таганцев и его команда анализируют логи, выявляя следы внутреннего саботажа: кто-то использовал учетные записи судей для доступа к системе. Параллельно сестра Лены Натка сталкивается с проблемой дипфейка: ее сын Петя оказывается героем фальшивого видео, созданного с помощью ИИ. Это вызывает панику в семье и заставляет задуматься о рисках технологий... В свет выходит новый остросюжетный роман звездного дуэта Татьяны Устиновой и Павла Астахова из цикла «Дела судебные». По традиции это увлекательный коктейль из жизненной драмы и нетривиальной истории жизни одной, казалось бы, обычной женщины. Тем приятнее будет новая встреча с любимыми писателями и их героинями — судьей Еленой Кузнецовой и ее сестрой Наткой, вечно попадающей в разные передряги.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250130-2

© Устинова Т. В., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	17
-----------------------------------	----

Татьяна Устинова, Павел Астахов

Без суда и совести

Редактор серии А. Антонова

Дизайн обложки Н. Каптыкиной

© Астахов П., Устинова Т., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Ирина открыла глаза ровно в шесть. Как всегда, сработал внутренний таймер, подчинивший ее жизнь строгому графику десять лет назад, когда Феденьке поставили окончательный диагноз. Как бы она ни хотела выспаться, как бы ни мечтала хоть ненадолго отключиться от жесткого ежедневного расписания, сделать это не получалось даже тогда, когда она оставалась одна.

Случалось такое, конечно, нечасто и ненадолго, когда Федя уезжал в санаторий. Ему подходили только частные, узкоспециализированные санатории, предоставляющие не только отличные условия проживания, но и специалистов нужного профиля, которые могли бы справиться с таким тяжелым случаем, как у Феди. Стоили они очень дорого, и хотя Оля помогала и безропотно оплачивала двухнедельный курс пребывания, задержаться там на все четырнадцать дней у Феди не получалось ни разу.

В первый раз он устроил истерику, которая закончилась только с появлением Ирины, спустя семь дней, хорошо еще, что санаторий находился в Подмосковье и она смогла приехать сразу, как только ей позвонили: они не могут с Федей справиться. После этого пару лет Ирина слышать не хотела ни о каких санаториях и решила только в прошлом году, когда поняла, что вот-вот рухнет, рассыплется на десятки маленьких Ирин и уже никогда-никогда не сможет собрать себя обратно.

Когда она, испугавшись, рассказала об этом Оле, та отреагировала молниеносно и четко: за три дня нашла санаторий в Ессентуках, подходивший Феде по профилю, организовала отправку сестры с племянником туда на частном самолете, потому что загрузить Федю в обычный рейсовый лайнер – это задача невыполнимая, после чего десять дней Ирина ощущала себя в раю. Федей занимались специалисты, а она практически целый день проводила в одиночестве и блаженной тишине своего отдельного номера.

Вот только через десять дней у Феди случился срыв, и успокоился он лишь после того, как очутился в своей комнате их панельной хрущевки, в которую они вернулись в рекордно короткий срок, благодаря Оле и финансовым возможностям ее мужа. Да, Ирине очень повезло, что ее сестра замужем за очень состоятельным человеком. Это делало ежедневную жизнь чуть менее невыносимой.

По правде говоря, с голоду они с Федей не умирали только благодаря деньгам сестры. На пособие по инвалидности не получалось прожить, а работать Ирина не могла, потому что оставить Федю одного дома решительно невозможно. Сестра хотела и квартиру им поменять, уж больно убогой была их двухкомнатная хрущевка в потрескавшейся панельке, однако относительное спокойствие Феде удавалось соблюдать только в пределах своей комнаты, а потому о смене места жительства и речи идти не могло.

Больше всего на свете Ирина боялась, что их дом попадет в программу реновации и будет снесен. То, на что надеялись остальные соседи, вселяло в нее ужас. Но пока этого не случилось,

в санаторий они больше не ездили, превратив ежедневное расписание в устойчивую рутину, позволяющую свести Федины приступы к минимуму.

Итак, обычно Ирина вставала в шесть, чтобы до пробуждения сына принять душ, выпить кофе и приготовить немудреный завтрак. Затем следовала вторая чашка кофе, которую она пила, максимально растягивая удовольствие от стоящей в доме тишины, которая нарушится сразу же, как Федя проснется.

Классическое утро тринадцатилетнего мальчика-аутиста, вдобавок к РАС страдающего еще и от последствий ДЦП, строилось по жесткому ритуалу. Предсказуемость была критически важна Феде для снижения тревожности. Любые отклонения от рутины могут спровоцировать стресс или поведенческий срыв.

Федя просыпался всегда в одно и то же время. Встроенный в его голову будильник срабатывал в шесть сорок пять каждое утро, вне зависимости от дня недели. В это время самой важной являлась первая сенсорная защита. Шторы по всей квартире должны еще оставаться задернутыми, свет приглушенным, разговоры, в том случае, если Ирине вдруг требовалось с кем-то поговорить по телефону, только шепотом. Громкие звуки – звонок телефона или лай собаки во дворе – вызывали моментальную панику.

Пятнадцать минут проснувшийся Федя просто лежал в кровати, глядя в потолок. Ровно в семь Ирина входила в комнату, мягко касалась его плеча и подносила к глазам карточку, на которой было написано «Пора вставать». После этого сын садился в кровати, и она могла переместить его в коляску, чтобы отвезти в ванную комнату.

Четкая последовательность действий была доведена с годами до автоматизма. Сначала умывание, затем чистка зубов, душ, после него переодевание. Любое изменение порядка вызывало тревогу. Для гигиенических процедур использовались адаптивные приспособления: зубная щетка с утолщенной ручкой из-за нарушений тонкой моторики, нескользящий коврик, специальное кресло для купания.

Температура воды проверялась градусником. Если она оказывалась хотя бы на полградуса выше или ниже строго определенной, Федя отказывался мыться. Ирина тихо, но твердо проговаривала каждый шаг. «Сейчас намочим руки». «Берем зубную щетку», – говорила она, не забывая делать короткий промежуток между словами и действиями, чтобы мозг Феде успел переработать полученную информацию.

Время с семи пятнадцати до половины восьмого они посвящали одеванию. Федя носил одежду без пуговиц и тугих резинок. Предпочтение отдавалось мягким трикотажным вещам с широкой горловиной. Цвета и фактуры использовались только привычные, любые новые ткани и необычные расцветки тут же вызывали отторжение.

При одевании тоже шли в ход специальные карточки, на которых были изображены штаны, футболки, носки. Федя одевался сам. Из-за нарушений моторики процесс этот был небыстрым, но Ирина никогда не торопила сына, в особо сложных местах мягко приходя на помощь.

В половине восьмого наступало время завтрака, на который отводилось строго пятнадцать минут. Завтрак многие годы был одинаковым: овсянка, банан, чай. Любые новые продукты или изменение температуры еды приводило к отказу от пищи. Посуду Ирина использовала небьющуюся и с нескользящим основанием, ложку – с изогнутой ручкой. Ел Федя, разумеется, тоже в своей комнате, за специальным небольшим столиком, стоящим в тихом углу. Одну штору при этом можно было сдвинуть, телевизор ни в коем случае не включать. Пока сын ел, Ирина должна была обязательно сидеть рядом, но избегая зрительного контакта.

Еще пятнадцать минут отводились на подготовку к урокам. Да, Федя учился онлайн, и его письменный стол требовалось подготовить к занятиям, проследив за четким соблюдением нужного порядка предметов, отсутствием лишних стимулов, а также наличием карточек

с названием уроков. Сегодня, к примеру, это были математика, рисование, а после перерыва и информатика. Любимый Федин предмет, кстати.

В восемь утра наступало время переходного ритуала. Перед тем как связаться с учителем, Федя либо просматривал на своем компьютере видео с движущимися поездами, либо перебирал бусины в специальной коробке, либо по кругу слушал одну и ту же песню. Ирина сидела рядом, монотонно повторяя: «уроки – перерыв – уроки – обед – прогулка».

Если все складывалось хорошо, то в восемь пятнадцать начинался первый урок онлайн. Сбои происходили частенько. Федя мог застрять на одном из этапов утренней рутины, например, отказываться надевать носки из-за их «неправильной» текстуры. В такой ситуации он нуждался в дополнительном времени, ему следовало предложить другие носки, но не давить.

Еще одной проблемой регулярно становилась сенсорная перегрузка. Лай собаки мог сбить весь настрой на уроки, в худшем же случае Федя впадал в аутоагрессию, начинал кричать и бить себя по голове. Иногда при этом помогал таймер: песочные часы, которые показывали, сколько времени осталось на данный этап.

Если уроки начинались вовремя, то у Ирины появлялось время на приготовление обеда, мытье посуды, нехитрую уборку, которую предстояло сделать без пылесоса, чтобы звук не отвлекал сына от занятий. Продукты она заказывала через доставку, спасибо Ольге и деньгам ее мужа.

Обед тоже превращался в четко прописанный ритуал, после которого они с Федей отправлялись на часовую прогулку в расположенный рядом парк. Гулять полагалось в любую погоду, поэтому Ирина толкала коляску с сыном и под дождем, и под снегом, и под палящим солнцем. Даже если у нее или у Феде случалась температура, отменять прогулку нельзя. Запертый после обеда в четырех стенах мальчик начинал метаться по квартире и кричать.

Зато после прогулки наступало блаженное время, которое Федя проводил за компьютером. Ирина не понимала, чем именно он занимается, но с половины пятого до восьми часов вечера в квартире стояла оглушительная тишина, нарушаемая лишь стуком клавиш. В это время Ирина могла приготовить ужин, посмотреть любимый сериал, поговорить по телефону с сестрой и мамой.

Отвлекать сына от его занятий было нельзя. Немедленно следовал приступ. Единственный человек, который в такие минуты допускался в Федину комнату, был сын Ольги. Просто племянник говорил с Федей на одном языке. Именно он покупал Феде какие-то компьютерные приблуды, обсуждал новости IT-сферы и вообще поддерживал тот минимальный диалог, на который Федя был способен.

Правда, приходил племянник нечасто, раз в пять-семь дней. Визиты эти, несмотря на то, что не были регулярными и выбивались из рутинного графика, никогда не вызывали у Феде приступа. Сын с радостью общался со своим двоюродным братом. И в такие минуты Ирине иногда даже казалось, что ее мальчик почти нормальный. А для нее самой эти часы становились единственным временем, когда она могла хотя бы немного расслабиться.

Феде было четыре года, когда его диагноз получил официальное подтверждение, хотя сестра Оля, будучи врачом-психиатром, впервые употребила слово «аутизм», когда мальчику еще и трех лет не исполнилось. И это вдобавок к ДЦП из-за неудачных родов. Оля первой заметила признаки нарушения развития у племянника. В восемь месяцев Федя никак не реагировал на свое имя и не вступал в зрительный контакт, к году не тыкал пальчиком в предметы из-за отсутствия указательного жеста, к полутора годам наотрез отказывался от любых попыток диалога, не понимал обращенную к нему речь. К двум годам ничего не повторял за взрослыми и использовал всего несколько слов, среди которых не было главного слова – «мама».

Дети в песочнице не вызывали у него ни малейшего интереса, он мог часами сидеть на полу, смотря в одну точку и раскачиваясь, и лишь периодически нелепо взмахивал руками. Уже

тогда любые громкие звуки, яркий свет и прикосновения вызывали у него резкое отвращение из-за высокой сенсорной чувствительности.

В общем, Оля забила тревогу, настояв на том, чтобы показать Федю психиатру, неврологу, психологу, дефектологу и логопеду. Начались бесконечные обследования: электроэнцефалограмма, МРТ головного мозга, анализы крови, оценка слуха и зрения. В первую очередь врачи стремились исключить соматические причины для странного поведения мальчика. Ирина злилась, списывая все Федины странности на ДЦП, из-за которого он был прикован к инвалидной коляске.

Когда окончательный вердикт врачей был озвучен и Феде поставили диагноз РАС – расстройство аутистического спектра, она прошла все положенные эмоциональные этапы, как и тысячи других матерей до нее. Вначале она испытала шок и растерянность. Она тогда просто села на пол в кухне и рыдала часа четыре, не меньше, обхватив себя руками и раскачиваясь, как Федя.

Затем последовали отрицание и гнев. Ирина отказывалась признавать диагноз, испытывала злость на бывшего мужа, бросившего ее, когда сыну не было и полугода, а также обиду на судьбу, подбросившую ей такое испытание. «Почему это случилось именно со мной?» – не раз и не два спрашивала она у Ольги. И сестра спокойно и безропотно объясняла, что никто не виноват, что аутизм возникает в результате сложного взаимодействия генетических и средовых факторов, что для каждого ребенка комбинация этих факторов индивидуальна, поэтому невозможно однозначно предсказать развитие РАС.

Потом, как и положено, Ирина впала в печаль, ставшую хронической. По мере осознания особенностей своего ребенка она все сильнее проваливалась в депрессию, которую не могла себе позволить из-за постоянной зависимости от потребностей растущего сына. Отсутствие видимых положительных изменений все сильнее вызывало чувство безысходности. Ирина чувствовала себя полностью истощенной, как эмоционально, так и физически, и в этот период Ольга отвела к психиатру уже ее.

После курса медикаментозного лечения наступило облегчение, а вместе с ним принятие и адаптация. Ирина вместе со специалистами, которых находила и оплачивала Ольга, начала выстраивать необходимую стратегию поддержки своего ребенка. Да, Федя – особенный, но тем важнее научиться жить в новых реалиях, не теряя надежды, но и не ожидая «волшебного» излечения.

От болезни Феде не существовало волшебной таблетки. По мере его взросления Ирина по-прежнему ощущала стыд и социальную изоляцию, стесняясь повышенного внимания людей на улицах, испытывала страх за Федино будущее, в котором по какой-то причине рано или поздно не станет ее самой, и чувство вины за то, что привела сына в столь недружелюбный для него мир.

При этом, несмотря на все трудности, она сохраняла глубокую любовь к сыну. Федя тоже любил ее, искренне и бескорыстно, и его любовь становилась для Ирины источником силы. Она черпала радость в маленьких победах, таких, например, как использование горшка, увеличение словарного запаса, увлеченность компьютерами и успехи в обучении. Разумеется, индивидуально.

Чем старше становился Федя, тем больших физических усилий требовал уход за ним. Ирина поднимала его уже с большим трудом, так что кормление, одевание, купание и перемещение с каждым днем становились все сложнее. Ей было страшно даже думать о том, что будет еще лет через пять, когда сын станет совершеннолетним. Но больше всего выматывала постоянная необходимость адаптироваться к непредсказуемому поведению сына.

Счастье еще, что значительные расходы на лечение, реабилитацию и необходимые приспособления для облегчения существования, такие как ортопедическая обувь, кресла и тренажеры, а также занятия с учителями, массажистами и платными врачами несла Ольга. Хорошо,

что у сестры состоятельный муж. Однако окончательно садиться той на шею Ирина не собиралась. Именно поэтому не прибегала к услугам няни, чтобы хотя бы иногда отдохнуть, и всячески экономила на себе.

Жизнь у нее была тяжелая, но Ирина все равно каждое утро не уставала благодарить Бога за все. За то, что у нее есть Федя. За то, что мальчик ее любит. За то, что его жизни ничего не угрожает. За то, что Ольга не отказывается помогать. За то, что у Феди есть понимающий и поддерживающий двоюродный брат. За то, что, если с ней самой что-то случится, сестра и племянник точно позаботятся о Феде, не бросят его на произвол судьбы. Не так уж и мало, если задуматься. А раз так, надо жить дальше.

* * *

Впервые за много лет я просыпалась и засыпала с чувством полной беззаботности. Конечно, дела в моей жизни оставались, и очень важные. Я по-прежнему работала судьей Таганского районного суда, а значит, ежедневно принимала решения, от которых зависели человеческие судьбы.

Я по-прежнему была мамой маленького, но очень шепутного сына, которого каждое утро оставляла с заботливой и ответственной няней, но по вечерам вставала на свою материнскую «вахту», читая сказки, выслушивая кучу «почему» и терпя детские капризы. Я по-прежнему оставалась любящей женой успешного крупного бизнесмена, регулярно летающего в командировки и частенько приходящего домой, когда сын уже уложен в кроватку.

То есть повседневные дела – рабочие, бытовые, семейные – у меня, конечно, были, и они требовали сосредоточенности, времени и умения его распределять, и все же беззаботность и легкость не покидали меня ни на минуту. А все потому, что надо мной больше не висела зловещая тень Никиты Говорова.

Никита исчез, растворился на просторах России, и никто не знал, где он. Таганцев где-то раздобыл информацию, что Говоров купил земельный участок с домом в Крыму, да и мне он в нашем последнем разговоре говорил что-то про Крым, но уехал ли он туда или зализывал раны в каком-то другом укромном месте, оставалось неясным.

Признаться, моего мужа, Виталия Миронова, это тревожило. А вот я оставалась безмятежна, потому что знала, что лишенный власти и денег Говоров нам не опасен. Сам по себе он не представлял угрозы, слишком слаб и примитивен он был. Его телеграм-каналы закрыли решением Верховного суда и внесли в список экстремистского контента. Сильные мира сего, которых шантажировал Говоров со своим подельником, наверняка обладали хорошей памятью, а потому высываться из своего убежища, где бы оно ни находилось, Никите точно было не с руки.

Картина напоминала мне с детства любимое место в романе Дюма «Три мушкетера». «А теперь... – сказал Атос, закутываясь в плащ и надевая шляпу, – теперь, когда я вырвал у тебя зубы, ехидна, кусайся, если можешь!» К ситуации, в которой находился Говоров, оно подходило полностью.

А я проживала свою лучшую жизнь в окружении любимых людей. Мое доброе имя полностью восстановлено и очищено от клеветнических измышлений, моей карьере ничего не угрожает, моя старшая дочь собирается замуж за достойного человека – моего помощника Тиму, и я этому вроде рада, но и не рада одновременно.

К Тиме я относилась хорошо, к его родителям, с которыми меня должны познакомить в ближайшее время, еще лучше, поскольку люди они очень достойные, дочери Александре желала только счастья, но от мысли, что мой ребенок вырос настолько, что уже может сам создать семью, мне становилось грустно. Как же все-таки быстро растут дети. И не только чужие, но и свои.

Сегодня я пришла на работу и готовилась к судебному заседанию, касающемуся невозврата кредита, взятого в одном из коммерческих банков Москвы. Истцом выступал как раз банк, в котором пятью годами ранее был заключен кредитный договор с гражданкой Российской Федерации Носковой Ириной Феликсовной. В рамках этого договора ответчице выдали кредит в размере одного миллиона рублей. Согласно условиям, кредит необходимо погасить до 25 октября 2030 года, процентная ставка по кредиту составляла пятнадцать процентов годовых, а платеж был аннуитетным и составлял шестнадцать тысяч рублей ежемесячно.

В соответствии с графиком платежей ответчица должна была регулярно вносить платежи по возврату кредита и уплате процентов, однако обязательства выполнялись с нарушениями, в связи с чем банк в одностороннем порядке расторг кредитный договор с 31 октября 2025 года, направив в адрес ответчицы требования о возврате суммы долга. До момента рассмотрения дела требования не были исполнены. Через суд банк требовал возврата остатков тела кредита, всех процентов, а также неустойки в размере пятисот тысяч рублей.

К подобному требованию я отнеслась как к явно чрезмерному. Конечно, гражданское законодательство предусматривает неустойку как своеобразный штраф в качестве способа обеспечения исполнения обязательств и меры имущественной ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение, однако часть первая статьи 333 Гражданского Кодекса Российской Федерации позволяет снижать размер неустойки, если она явно несоразмерна последствиям нарушения долговых обязательств.

Право снижения неустойки предоставлено суду независимо от того, является она законной или договорной, и этим правом я собиралась воспользоваться, удовлетворив иски требования истца лишь частично. Обдумывая будущее решение, я не могла не поздравить себя с тем, что никогда в жизни не взяла ни одного кредита. Даже в самые тяжелые годы, оставшись одна с маленьким ребенком и сестрой на руках, я как чумы боялась банковской кабалы. О микрофинансовых организациях речи и подавно не шло.

Сколько потопал, столько и полопал. Этому правилу я учила и Натку, и Сашку. Сестру, впрочем, безрезультатно. Я знала, что, помимо ипотеки, Натка периодически влезала и в другие кредитные обязательства. Правда, благодаря разуму и мудрости ее мужа, Кости Таганцева, в кабалу они не превращались и долги гасились вовремя, не приводя к неприятным последствиям.

По роду своей деятельности я знала, что банки активно используют судебные механизмы для взыскания кредитных задолженностей, и статистика показывает устойчивый рост числа таких дел в последние годы. По данным официальной судебной статистики, ежегодно российские суды выносят решения о взыскании более восьмисот миллиардов рублей по кредитным договорам и договорам займа. За десять лет, с 2015 по 2024 год, в суды поступил восемьдесят один миллион дел о взыскании кредитных долгов. Из них без малого восемьдесят миллионов исков на общую сумму, превышающую восемь триллионов рублей, были частично или полностью удовлетворены.

Почти пятнадцать миллионов решений о взыскании восьмисот тридцати четырех миллиардов рублей были вынесены судами в одном только 2024 году. Около девяноста процентов решений были приняты в упрощенном приказном порядке, без проведения полноценных судебных заседаний. И вот это я, как профессионал своего дела, категорически не одобряла.

Я, федеральный судья Кузнецова Елена Сергеевна, считала, что любого человека перед принятием решения нужно хотя бы выслушать. Да, механизм исполнительной надписи нотариуса, который позволяет избежать судебного разбирательства, существует, и использовать его можно и нужно, но он не заменяет работу судов. В этом я уверена.

Дверь открылась, и в кабинет зашла моя подруга Машка, судья Мария Помелова.

– Умаялась, – сообщила она, энергично зевнув. – Так спать хочется, что глаза слипаются. Кофе дашь?

– Кофе дам, – легко согласилась я и встала, чтобы включить стоящую на специальном столике кофемашину.

– А Тима твой где? – поинтересовалась подруга. – Или твой помощник филонит на правах будущего зятя, а ты сама кофе варишь?

– Не язви, Машка, – засмеялась я. – Ты же знаешь, что Тима – человек серьезный и филонить не приучен. И сейчас он у Плевакина. Старик сильно интересуется всем, что связано с искусственным интеллектом. После того как нейросеть помогла нам всем избежать серьезных неприятностей, связанных с происками Говорова, Анатолий Эммануилович преисполнился почтения перед нею и стремился глубже интегрировать ИИ в систему работы судов. Более того, он заручился поддержкой наверху, так что теперь видит Тимофея чаще, чем я.

– А вот это жаль, – заметила Машка, благодарно кивнув, когда я поставила перед ней чашку с ароматным напитком, сделала глоток и блаженно прикрыла глаза. – Божественно. Но вернемся к Тиме. Честно говоря, я рассчитывала забрать его к себе в помощники, когда он официально станет твоим зятем. Парень действительно хорош в своем деле. Но, похоже, мне ничего не светит, раз в него сам Плевакин вцепился.

– Вцепился, – подтвердила я. – У тебя сегодня еще есть заседание?

– Одно закончила, потому что оно проще пареной репы. Теперь до следующего честно могу пить кофе. Нет ничего проще, чем просуживать кредиторскую задолженность.

– Как? У тебя тоже? – удивилась такому совпадению я. – Просто у меня через десять минут рассмотрение такого же дела.

– А что тебя удивляет? – Машка сделала еще глоток кофе. – Сейчас, по статистике, примерно тридцать процентов людей, берущих кредиты, вовремя не вносят платежи. У граждан с деньгами плохо, иначе они бы в долги не влезали. И то, что гасить кредиты им нечем, тоже понятно. А банки, конечно, закладываются на подобный сценарий и неплохо зарабатывают на добросовестных заемщиках, но все-таки в убытки сваливаться не готовы и судебные пути решения вопроса используют активно. Ты представляешь, мой сегодняшний ответчик два года назад взял в крупном банке смешную по нынешним временам сумму – сто тысяч рублей. Нужно было университет сыну оплатить. Процентная ставка тридцать четыре процента годовых. Это же уму непостижимо.

– Сколько? – не поверила своим ушам я. – Таких процентов и не бывает. Если только в микрокредитных организациях.

– Нет, в том-то и дело, что тут солидный банк, – покачала головой подруга. – Просто, согласно соглашению, у мужика были индивидуальные условия кредитования из-за не очень хорошей кредитной истории. В общем, обязательства он, конечно, нарушил, за ним образовалась задолженность, по состоянию на дату рассмотрения дела, то бишь на сегодня, она составила девятьсот тысяч семьсот рублей, включая просроченный основной долг, штрафы и неустойки.

– А ты? – поинтересовалась я, собирая документы, чтобы идти в зал заседаний.

– А я удовлетворила иски банка в полном объеме, сославшись в решении суда на статьи 309, 310 и 432 Гражданского кодекса РФ, которые регулируют исполнение обязательств и условия договора. Суд установил, что ответчик Гадалкин не исполнял обязательства: не вносил ежемесячные платежи и не уплачивал проценты за пользование денежными средствами. На основании этого суд пришел к выводу о наличии задолженности и необходимости ее взыскания. С гражданина Гадалкина в пользу банка взыскана задолженность по соглашению о кредитовании, а также расходы по оплате государственной пошлины, – отпартовала Машка.

Неведомого мне гражданина со смешной фамилией Гадалкин отчего-то стало жаль. Не от хорошей жизни полез он в кредитную кабалу под бешеные проценты. Так я подруге и сказала.

– Жалость – странное и не лучшее качество для судьи, – заметила в ответ Машка. – Фемида не имеет права на человеческие эмоции, как известно. Да и вообще, ты же знаешь, что в подавляющем большинстве случаев судьи встают на сторону банков, потому что договор есть договор, и если ты его подписал, то будь добр выполнять.

Что ж, с этим трудно поспорить. В нашей практике судьи практически всегда встают на сторону банков в спорах о взыскании кредитных задолженностей, и тому есть несколько причин, связанных с правовыми, процедурными и практическими аспектами таких дел. Банки, как правило, предоставляют суду исчерпывающие доказательства существования долга и его размера.

Если заемщик по доброй воле подписал кредитный договор и согласился с графиком платежей, если у банка есть выписки по счету и все это оформлено надлежащим образом, то суд признает их достаточными для подтверждения требований кредитора.

Согласно 309 и 310-й статьям Гражданского кодекса РФ, заемщик обязан соблюдать условия договора. Ну, если он согласился на них не под дулом пистолета, конечно. Нарушил график платежей – нарушил договор. А это уже причина, по которой банк вправе потребовать досрочного погашения кредита.

Кроме того, для подобных ситуаций действует упрощенный порядок рассмотрения. В значительной части дел о взыскании кредитных задолженностей суд выносит решение без проведения судебного заседания и вызова сторон. В таких условиях вероятность отказа в иске минимальна.

Единственный шанс для заемщика – пропуск срока исковой давности. Как правило, это три года с того момента, как кредитор узнал о нарушении своего права. Если заемщик не заявит о пропуске срока исковой давности до вынесения решения, суд рассмотрит дело по существу и, скорее всего, удовлетворит требования банка.

Возможности защиты для заемщика по российскому законодательству невелики. Даже если заемщик испытывает финансовые трудности, это само по себе не освобождает его от исполнения обязательств по кредиту. Да, суд может пойти навстречу и уменьшить размер неустойки, как сегодня и собиралась поступить я, особенно если она явно несоразмерна основному долгу, но это требует от заемщика активных действий и предоставления доказательств. Ну еще существует возможность добиться отсрочки или рассрочки платежей, но это также требует обращения в суд и убедительных оснований, таких, например, как потеря работы или длительное лечение.

До обращения в суд банки обычно предпринимают меры по внесудебному взысканию долга: направляют уведомления, предлагают реструктуризацию кредита, могут привлекать коллекторов.

И только если это не приводит к результату, банк обращается в суд. Это часто воспринимается судом как добросовестное поведение кредитора. Банк выглядит солидным учреждением, строго исполняющим прописанные в законе нормы.

– Ладно, Машка, – вздохнула я, заметив, что подруга уже допила свой кофе. – Справедливость судебная, то есть юридическая, и справедливость общечеловеческая, то есть нравственная, находятся в разных плоскостях. Мы с тобой понимаем ее так же, как и все остальные люди, но при этом оцениваем с профессиональной точки зрения. Справедливо то, что законно. Но нравственная справедливость опирается на моральные представления о добре, зле, честности, гуманности. И при этом может не совпадать с юридическими рамками, так как законы не всегда успевают адаптироваться к многообразию жизненных ситуаций, а также могут не полностью учитывать индивидуальные обстоятельства конкретного случая. Поэтому еще раз повторяю, что мне твоего Гадалкина жалко.

– Он не мой, – деловито уточнила Машка и встала. – Ты права, что право и мораль – разные системы регулирования общественных отношений. И мы с тобой, как судьи, действуя в

рамках нашей профессиональной деятельности, обязаны в первую очередь руководствоваться законом, даже если его применение в конкретном случае вступает в противоречие с личными нравственными убеждениями. Надеюсь, ты это помнишь?

– Помню, – вздохнула я. – Но судья тоже не лишен человеческих эмоций и может осознавать нравственные аспекты дела. Но кодекс судебной этики подчеркивает, что судья должен оставаться объективным и беспристрастным, избегая предубеждений. Так что в предстоящем процессе я буду исключительно беспристрастной, хотя иногда правовые нормы и кажутся мне недостаточно гибкими и гуманными.

– Твой брак тебя испортил, – фыркнула подруга. – Превратил в какую-то размазню. Раньше ты была более непреклонной и железобетонной. Или это не замужество виновато, а поздняя беременность? Говорят, она мозги размягчает.

– Ну, хочется верить, что с мозгами у меня пока все в порядке, – засмеялась я. – Пошли работать, непреклонная судья Помелова.

* * *

Наталья Кузнецова готовила обед, параллельно отчитывая сына Сеньку за то, что у того просела успеваемость. Строго говоря, во многом она сама была в этом виновата. Это Наталья, или, как ее звали в семье, Натка, полтора года назад решила сделать из сына кинозвезду и отправила его в школу актерского мастерства¹.

Источником ее особой гордости являлся тот факт, что Арсений Кузнецов оказался талантливым и теперь блистал в одной из главных ролей популярного сериала «Непоседы». Съемки занимали довольно много времени, так что на уроки и домашние задания его практически не оставалось.

В школе к этому относились с пониманием, но совсем не учиться нельзя, так что «неуды» и «хвосты» нужно исправлять и подтягивать. Сегодня с утра, например, Сенька корпел над сочинением, заданным по литературе. Тема, на Наткин взгляд, была не только сложной, но и скучной – «Сказки Пушкина – эпос русской жизни». Интересно, Сенька вообще в курсе, что такое эпос.

– Ма-ам, я все. – Сын появился в кухне с крайне деловитым выражением лица. – Сочинение готово. Можно я пойду погуляю?

– Что значит готово? – осведомилась Натка, бросив взгляд на часы. – Ты минут двадцать как начал его писать. И хочешь сказать, что уже справился достойным образом?

– Конечно. Если хочешь, могу показать.

– Хочу, – кивнула Натка и отложила ложку с дырками, которой снимала пену с будущего супа. – Не то чтобы я тебе не доверяла, просто искренне не понимаю, как за двадцать минут можно написать что-то заслуживающее внимания.

Сенька с видом оскорбленного достоинства сходил в свою комнату и вернулся с тетрадью в толстую полоску, в которой на полутора страницах был довольно аккуратным почерком написан какой-то текст. Натка погрузилась в чтение.

«Когда я слышу имя Александра Сергеевича Пушкина, сразу вспоминаю его сказки. Они волшебные, добрые и очень русские. В сказках Пушкина много чудес: золотая рыбка исполняет желания, ученый кот ходит по цепи кругом, царевна спит сто лет. Да, в этих сказках есть и мудрые царевны, и отважные богатыри, и чудеса, которые происходят прямо на наших глазах. Но, читая сказки Пушкина, я как будто переношусь в старину – вижу, как жили люди, во что верили, о чем мечтали. Ведь за волшебством мы видим настоящую жизнь простых русских людей, их заботы, доброту и житейскую хитрость, а также красоту родной природы...»

¹ Об этом в романе Татьяны Устиновой и Павла Астахова «Звезда экрана».

От изумления Натка чуть тетрадь не выронила. Ее Сеня никогда раньше не писал таких связных, логически выверенных текстов, в которых к тому же не было ни одной орфографической или пунктуационной ошибки. Она протерла глаза и продолжила читать дальше.

«...Пушкин соединил волшебство с реальностью, и поэтому его сказки стали эпосом – сказанием, которое языком метафор рассказывает нам о душе русского народа. Александр Сергеевич не просто придумывал сказочный мир своих героев, он вдохновлялся русскими народными сказками, песнями и преданиями. Поэтому в своих произведениях Пушкин сохранил дух нашего народа: его мудрость, доброту и веру в справедливость. «Сказка о рыбаке и рыбке», «Золотой петушок», «Сказка о попе и работнике его Балде» – в каждой из них мы узнаем что-то родное и близкое, потому что сказки Пушкина передают нам память о наших корнях».

Далее следовали размышления о современности поэта в наши дни, а также выводы о том, какие пороки он высмеивает и насколько это актуально здесь и сейчас.

– Сеня, что это? – чуть ли не задыхаясь от восторга, спросила Натка у сына. – Это же гениально.

Сын слегка покраснел от ее похвал.

– Сочинение, – сказал он немного неуверенно. – Ты же сама видишь.

– Вижу, что сочинение. Но когда ты научился так их писать? Сеня, я даже не думала, что ты умеешь так формулировать мысли.

Сын замялся еще больше, и Натка своим внутренним чутьем, которое у нее было развито в высочайшей степени, почувствовала неладное.

– Так, – сказала она твердо. – Давай, рассказывай, в чем тут подвох. Ты это где-то списал, что ли?

– Мам, ну, почему сразу списал? – Возмутился Сенька. – Нет, сочинения в пятом классе, конечно, не проверяют через систему «антиплагиат», но Костя учил меня, что нельзя тырить чужое. Так что это только мое сочинение и ничье больше. В смысле, написанное специально для меня.

– Что значит написанное. Кем? – продолжала настаивать Натка. – У тебя что, литературный негр появился?

– Мам, литературные негры – это вчерашний день, – уверенно заявил Сенька. – Они не нужны в век, когда всем рулят нейросети.

– Чего? – Из всего сказанного Натка поняла только отдельные слова.

– Мам, ты про искусственный интеллект вообще слышала? – Сын смотрел снисходительно. – Это и есть нейросеть. Ты даешь ей задание, которое называется промпт, а она по нему пишет нужный текст.

– Но это же не ты написал! – возмутилась Натка. – То есть ты выдаешь чужую работу за свою?

– Мааам! Ты пойми, это не запрещено! Это можно. И при этом я в любом случае – автор этого произведения. Так устроен этот искусственный интеллект, что он лишь выполняет задание. Кто задание дал – тот и автор. И даже авторские права действуют. Так что это мое сочинение. Даже не сомневайся.

Но Натка все-таки сомневалась. Все эти новые технологии вгоняли ее в ступор. Поэтому первым делом она позвонила племяннице Александре. Та была известным блогером и разбиралась во всем на свете. Кроме того, ее жених Тимофей сейчас занимался именно тем, что внедрял искусственный интеллект в работу Таганского районного суда. Наталья Кузнецова знала об этом от своей сестры Лены, Тимофеевой начальницы.

– Санька, мне нужна твоя помощь, – быстро сообщила она. – Тут такое дело. Сенька написал гениальное сочинение, но выяснилось, что ему помогала какая-то нейросеть. Он утверждает, что авторство все равно его.

– Ну, правильно утверждает, – согласилась племянница. – С помощью нейросетей можно не только школьные сочинения писать, но и рефераты, научные статьи, диссертации и даже книги. И Сенька прав. Искусственный интеллект – не замена ученика, а его помощник. Он может сгенерировать идею и план работы, подобрать аргументы и примеры, найти литературные параллели, исторические факты и цитаты, выстроить логику текста, связать вступление, основную часть и заключение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.